СНЕЖНАЯ КАТЕРИНА

ДРУГ МОЕГО ОТЦА

18+

ЕГО АНАЛИЗ. ЕЕ РИСК. ОДНА ПРАВДА.
НИКОМУ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ.

Катерина Снежная

Друг моего отца

«Автор»
2026

Снежная К. С.

Друг моего отца / К. С. Снежная — «Автор», 2026

Я математик с судимостью (я не виновата), отмычкой и планом мести. Он — бывший друг моего отца, которого я поклялась убить. Между нами украденный завод, иранские рубины, девяностокилограммовый алабай и притяжение, которое не лечится ни ножом, ни логикой. Криминальная комедия о любви, где градус максимальный, а шансов отказаться математически нет.

© Снежная К. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Диплом с отличием и банка с огурцами 5
Глава 2 Люпен с авторынка и швейцарский сейф 9
Глава 3 Тест на беременность в тамбуре 15
Глава 4 Стратегический запас «Докторской» и собака Баскервилей 20
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Катерина Снежная
Друг моего отца

Глава 1 Диплом с отличием и банка с огурцами

Тюремные ворота закрылись за моей спиной с таким звуком, будто захлопнулась крышка гроба, в котором забыли положить покойника.

Два года. Семьсот тридцать дней чистого, незамутненного женского общежития со строгим режимом, запахом хлорки, хозяйственного мыла и невыносимой тоски. И вот я на свободе. В руках — казенный полиэтиленовый пакет с моим питерским дипломом математического факультета, сменой застиранного белья и справкой об условно-досрочном помиловании.

По идее, тут должна была заиграть трогательная музыка, а навстречу мне — выбежать любящая родня с криками «Девочка наша!». Но на пыльной обочине под тусклым дагестанским солнцем стояла только худая коза, меланхолично жевавшая картонную коробку из-под сигарет.

Семья Алиевых вычеркнула меня из родовых списков еще на стадии судебного приговора. В традиционном махачкалинском обществе девушка с судимостью за покушение на убийство уважаемого человека — это даже не паршивая овца. Это радиационный могильник. Дядя Руслан, когда я позвонила ему из СИЗО два года назад, успел сказать ровно три вещи: «Ты опозорила память отца», «Мать в петлю из-за тебя полезла» и «Больше сюда не звони, у меня дочери на выданье». После чего повесил трубку.

Логика, конечно, железная: отец погиб семь лет назад в подстроенной аварии, мать от горя и долгов довели до петли рэкетиры Мурада Баратова, Баратов же попытался зажать меня в собственном кабинете, получил за это пулю в плечо — а виновата во всем, естественно, Дания. Чистая математика кавказского патриархата: в любой непонятной ситуации делай виноватой женщину, не ошибешься.

— Ну и катитесь вы все к черту, — сообщила я козе.

Коза перестала жевать картон и посмотрела на меня с легким сочувствием.

Через три недели я уже вполне успешно изображала законопослушную гражданку на дне социальной пищевой цепочки.

С моим резюме — красный диплом СПбГУ, знание теории вероятностей, криптографии и два года за тяжкие телесные — меня с распростертыми объятиями ждали ровно в одном месте: в круглосуточном гастрономе «У Арсена» на окраине Редукторного поселка.

Работа мечты. График — сутки через сутки, оплата — слезы и просроченный кефир, контингент — таксисты, алкоголики и скучающие джигиты в трениках с пузырями на коленях. Но мне было плевать. У меня был план. Мне нужно было где-то спать, что-то жрать и не привлекать внимания участкового, пока я на дешевом кнопочном телефоне восстанавливаю старые связи и пытаюсь нащупать ходы к финансовой империи Баратова.

Я наивно полагала, что смогу перетерпеть. Что я взрослая, хладнокровная женщина, закаленная бараком строгого режима.

Ага. Конечно. Ровно до сегодняшней ночной смены.

Часы над пыльной витриной показывали три часа ночи. В магазине пахло лежалой копченой колбасой, мышиным пометом и дешевым кофе «три в одном». Я сидела за прилавком, машинально пересчитывая в уме интегралы Лебега, чтобы не уснуть лицом в ящик с увядшей петрушкой, когда тяжелая пластиковая дверь скрипнула и в подсобку ввалился сам хозяин заведения — Арсен.

От Арсена несло коньяком «Кизляр», жареной бараниной и железобетонной, пьяной уверенностью в собственной неотразимости. Черная синтетическая рубашка в обтяжку трещала на его внушительном пузе, а золотая цепь толщиной с палец вдавливалась в тройной подбородок.

— Не спишь, математичка? — осклабился он, переваливаясь с ноги на ногу, как сытый кабан.

— Считаю остатки на складе, Арсен Магомедович, — сухо ответила я, не поднимая глаз от тетради. — У вас недостача по сахару. Килограммов двадцать. Мыши, наверное, чай пили.

— Да брось ты свой сахар, — он подошел вплотную к прилавку, оперся на него волосатыми ручищами и наклонился вперед. Дыхнул перегаром прямо мне в лицо. — Глаза у тебя красивые, Даночка. Злые, правда, как у волчицы, но красивые. Я вот все смотрю на тебя и думаю: че ты тут за копейки горбишься? Сидишь по ночам, копеечки пересчитываешь… Не по-людски это для такой молодой девочки.

Внутри у меня что-то неприятно екнуло. Предохранитель, который я старательно вкручивала себе в мозги последние два года, угрожающе затрещал.

— Меня устраивает моя работа, — аккуратно закрыла тетрадь и сделала шаг назад. Бежать было особо некуда: сзади глухая стена и стеллажи с консервами.

— Да ладно тебе ломаться, — Арсен обогнул прилавок с грацией груженого самосвала. Глазки у него масляно заблестели. — Я же знаю, кто ты. Зэчка. Убийца недоделанная. Тебя же ни одна собака в городе на порог не пустит, если я вышвырну. Пойдешь на трассу? Не пойдешь, ты ж у нас гордая, с дипломом. А я мужчина не бедный. Поладим. Закроешь магазин на часок, зайдем в каптерку, чайку попьем… Будешь ласковой — я тебе и премию выпишу, и ментам твоим участковым скажу, что ты у меня как шелковая ходишь.

Он протянул свою потную лапу и попытался ухватить меня за бедро, прямо через ткань дешевых джинсов.

Вот в эту самую секунду моя интеллигентность, помноженная на высшую математику, окончательно приказала долго жить.

Сработал рефлекс, которому меня в тюремном спортзале учили братья-близнецы — сыновья начальника колонии. «Дана-апа, если к тебе лезет мужик крупнее тебя, не пытайся бороться. Хватай самый тяжелый предмет и бей по дуге с максимальным ускорением».

Я не стала читать Арсену лекцию о личных границах. Моя рука метнулась вправо, пальцы нащупали на нижней полке трехлитровую банку маринованных огурцов совхоза «Дружба». Тяжелая, зараза. Килограмма четыре чистого веса вместе со стеклом и ядреным уксусным рассолом.

— Руки убрал, — очень вежливо пока сказала я.

— Чего-о? — удивился Арсен, подаваясь вперед и уже расстегивая верхнюю пуговицу рубашки. — Ты на кого голос повышаешь, овца…

Закончить фразу он не успел.

Я выдернула банку с полки, размахнулась от самого бедра и с глухим, сочным хрустом впечатала пузатое стекло прямо в его благородный кавказский профиль.

Банка выдержала. Профиль Арсена — нет.

Раздался звук, похожий на удар лопатой по сырому мешку с цементом. Мужчина охнул, глаза его закатились, показывая мутные белки, ноги подкосились, и вся эта сто двадцатикилограммовая туша рухнула на кафельный пол, сметая по пути коробку со сникерсами.

В магазине повисла идеальная, хрустальная тишина. Жаль, что не благостная.

Я стояла над ним, тяжело дыша, сжимая холодное стекло банки побелевшими пальцами. В носу свербело от запаха укропа и коньячного выхлопа. На лбу Арсена красочно наливалась багровая шишка размером с крупный абрикос, а из разбитого носа на пол капала темная кровь, пачкая желтый ценник «Акция: тушенка со скидкой».

— Чисто статистически, — сказала я в безмолвие магазина, чувствуя, как мелко дрожат колени, — вероятность того, что ты пойдешь в полицию, стремится к нулю. Потому что получить по морде огурцами от продавщицы это позор на всю Махачкалу.

Я аккуратно поставила банку обратно на полку. Подошла к кассовому аппарату, нажала кнопку возврата, выдвинула лоток. Взяла ровно четыре тысячи рублей — мою честно заработанную плату за две недели плюс триста рублей на такси. Ни копейкой больше. Чужого мне не надо. Я же честная девушка.

Стянув засаленный синий фартук, я швырнула его на бесчувственное пузо хозяина.

Вышла на улицу. Ночной воздух обжег легкие сыростью и запахом моря. Дрожащими руками достала из кармана куртки обшарпанный телефон, отошла за угол магазина в тень раскидистой шелковицы и набрала номер, который твердила наизусть каждое утро на поверке в бараке.

Гудки шли мучительно долго. На четвертом трубку сняли. На том конце послышалось сонное, хриплое дыхание.

— Да? — раздался настороженный голос Лейлы.

— Лейла, — выдохнула я, чувствуя, как запоздалый адреналин начинает выкручивать суставы. — Это Дана. Эксперимент с честной жизнью официально провалился. Мне нужна работа. Та самая, про которую ты говорила. В Минводах.

В трубке повисла короткая пауза, а затем Лейла одобрительно хмыкнула:

— Наконец-то, отличница. А я уж думала, ты там до пенсии будешь кефир по штрихкоду пикать. Записывай адрес. И купи нормальные штаны. На дело в твоих лохмотьях не ходить.

Я сбросила вызов, сунула телефон в карман и посмотрела на темное махачкалинское небо. Где-то там, в элитном поселке на побережье, в своем трехэтажном дворце сейчас сладко спал Мурад Баратов, уверенный, что семья Алиевых окончательно стерта в пыль.

— Спи, дядя Мурад, — прошептала я, чувствуя, как на губах сама собой расползается злая, нехорошая улыбка. — Математика выходит на охоту.

Что идёт не так:

Количество дней без криминала на свободе: ровно 21. Рекорд побит, гордиться нечем.

Банка с огурцами совхоза «Дружба» оказалась прочнее черепной коробки дагестанского предпринимателя. Слава отечественному стеклопрому.

Мой долг перед участковым за нарушение режима теперь составляет примерно «пожизненное», если Арсен очнется до утра.

На моих любимых кроссовках — пятно от рассола. Это личная трагедия.

Я официально встаю на путь организованной преступности, не имея даже приличного черного свитера.

РАПОРТ 1

Кому:Генеральному директору ЧОП «Волкодав» Караеву И. Р. **От:**Начальника группы наружного наблюдения Магомедова Т.

*Докладываю:*Объект «Студентка» (Алиева Д. Т.) в 03:14 покинула рабочее место в гастрономе «У Арсена». Перед уходом нанесла владельцу торговой точки гражданину Гаджиеву А. М. черепно-мозговую травму тяжелым тупым предметом (предположительно, консервацией). Забрала из кассы сумму суточного оклада, села в попутку в сторону автовокзала. Гражданин Гаджиев лежит на полу подсобки, признаков жизни не подает, но громко храпит. Вызывать ли скорую, или пусть проспится? Объект купила билет на утренний автобус до Минеральных Вод. Ведем до границы республики.

P.S. Шеф, она его реально банкой с огурцами приложила. С одного удара, без замаха. Ваши бойцы так не умеют. Может, возьмем ее в группу захвата, когда отпустит?

Глава 2 Люпен с авторынка и швейцарский сейф

Шесть часов в междугородней маршрутке «Махачкала — Минеральные Воды» способны выбить остатки романтики даже из законченного поэта.

Я сидела на заднем колесе раздолбанной «Газели», где немилосердно пахло соляркой, перегретой резиной и чьими-то пирожками с ливером. На каждом ухабе моя пятая точка совершала гравитационный маневр, подбрасывая меня до самого потолка, где сиротливо болталась выцветшая на солнце ароматическая елочка с издевательским запахом «Лесная свежесть».

После ночного побоища трехлитровой банкой с огурцами меня колотил мелкий озноб. Адреналин схлынул, оставив во рту гадкий привкус меди и ноющую боль в плече — видимо, я все-таки дернула связку, когда отправляла Арсена в нокаут.

В Минводах меня встретила Лейла.

На фоне облезлого привокзального забора с надписями «Сдам жилье посуточно» и «Шаурма у дяди Вано» моя тюремная подруга выглядела так, будто по ошибке телепортировалась сюда прямо со съемок криминальной драмы Гая Ричи. Белоснежное кашемировое пальто нараспашку, огромные черные очки на пол-лица, золотые часы на тонком запястье и аромат парфюма такой плотности, что пролетавшие мимо голуби меняли траекторию, чтобы не задохнуться.

— Матерь божья, Алиева, — вместо «привет» протянула она, спуская очки на аккуратный хищный нос и оглядывая меня с ног до головы. — Ты выглядишь так, словно тебя два дня волокли по асфальту за камазом. Это что на тебе за куртка? Тебе ее на гуманитарном складе для жертв кораблекрушения выдали?

— Зато в ней тепло, — буркнула я, перехватывая свой сиротский пакет. — И она не орет на весь вокзал «посмотри на меня, товарищ майор».

— В ней ты орешь «подайте на пропитание, люди добрые», — отрезала Лейла, сгребла меня за шиворот своей холеной рукой в кожаной перчатке и потащила к припаркованному на тротуаре черному «Лексусу». — Садись в машину. У нас сорок минут, чтобы превратить тебя из беглой крепостной во вменяемую напарницу. Заказчик ждать не любит.

Через полчаса в ее просторной квартире с видом на гору Змейку я подверглась жесточайшей экзекуции. Лейла безжалостно отправила мою куртку в мусорное ведро («Даже не проси, я сожгу ее в ритуальных целях»), затолкала меня в горячий душ, а затем вывалила на кровать ворох шмоток.

В итоге я стояла перед зеркалом в черных обтягивающих джинсах, которые сидели на мне так плотно, что дышать приходилось строго через раз, коротких грубых ботинках на шнуровке и кожаной косухе. Лейла щедро мазнула мне губы темно-вишневой помадой и удовлетворенно хмыкнула:

— Вот. Теперь ты похожа на женщину, которая может вскрыть сейф, а не на ту, которая сейчас расплачется и попросит справочку для собеса. Слушай сюда, отличница. Работа плевая. Богатый чинуша из пятигорской администрации укатил с любовницей в Дубай на три дня. В его коттедже лежит электронный накопитель. Папка с серыми контрактами по местным виноградникам. Нашему Заказчику нужна только эта инфа.

— А деньги? — деловито уточнила я, поправляя воротник.

— А деньги и цацки, если найдете в сейфе — ваши с напарником. Пятьдесят на пятьдесят.

— С каким еще напарником? — насторожилась я. — Лейла, мы так не договаривались. Я работаю одна. Чужие люди — это неконтролируемая переменная в уравнении. Они путаются под ногами, потеют и совершают идиотские ошибки.

— Переменная она, поглядите на нее, — закатила глаза Лейла. — Коттедж на сигнализации, периметр закрыт. Тебе нужен взломщик дверей. Заказчик выделил своего спеца. Зовут Костик. Местный гений фомки и отмычки. Он зайдет первым, откроет замок, ты найдешь комп, выкачаешь файлы, Костик заберет ювелирку из спальни, и вы растворитесь в тумане. Всё. Чистая математика, как ты любишь.

«Чистая математика», — мысленно повторила я с глубочайшим скепсисом. В реальной жизни чистая математика всегда заканчивается тем, что кто-то получает монтировкой по кумполу.

Местный гений фомки ждал нас на заброшенной автомойке на выезде из Пятигорска.

Когда я увидела Костика, мой внутренний калькулятор вероятностей выдал однозначную ошибку: «Система перегружена критическим уровнем идиотизма».

Костику было лет двадцать пять. Он был узкоплеч, носат и одет во все черное и блестящее, словно грабитель из третьесортной комедии девяностых. На голове красовалась вязаная шапка-бини, натянутая до самых бровей, на запястье сверкал фальшивый «Ролекс» размером с кухонный будильник, а в воздухе вокруг него стоял удушливый шлейф дешевого одеколона с феромонами.

Костик стоял, прислонившись к тонированной «девятке», и ковырял в зубах зубочисткой с видом вора в законе на международном симпозиуме.

Увидев меня, вылезающую из машины Лейлы, он замер, выплюнул зубочистку и вытаращился на меня масляными глазками:

— Слышь, тетя Лейла... А че, заказчик реально прислал мне цыпочку? Я думал, тут серьезное дело, а мне группу поддержки на шухер выделили. Красивая, конечно, фигурка сочная, но у меня на хате тайминг три минуты. Если она там каблуком за ковер зацепится и визжать начнет, я ее брошу, базарю.

Я неспешно подошла к нему, чувствуя, как внутри закипает чистое, дистиллированное бешенство.

— Во-первых, зубочистку подбери, Люпен недоделанный, мусоришь, — шелковым вмерзшим в лед голосом произнесла я, остановившись в полушаге от его блестящей куртки. — Во-вторых, если ты еще раз откроешь рот и назовешь меня «цыпочкой», я сломаю тебе указательный и средний пальцы. А судя по твоей моторике, без них ты даже банку со шпротами открыть не сможешь, не то что замок «Гардиан». Ты меня понял, гроза автокооперативов?

Костик поперхнулся воздухом. Его глаза округлились, кадык судорожно дернулся вверх-вниз. Он попытался вернуть себе вид бывалого мачо, набычился, но шаг назад все-таки сделал:

— Дерзкая, да? Ладно, посмотрим на объекте, какая ты смелая. В тачку прыгай, математика.

Лейла из окна своего «Лексуса» послала мне воздушный поцелуй, перекрестила нас двумя пальцами и со свистом сорвалась с места, оставив меня наедине с этим привокзальным криминальным элементом.

***

Элитный поселок утопал в тишине и запахе мокрой хвои.

Двухэтажный особняк чиновника из белого дагестанского камня выглядел неприступно, как филиал швейцарского банка. Высокий кирпичный забор, камеры по углам, глухие кованые ворота.

— Короче, слушай сюда, девчонка, — зашептал Костик, когда мы перемахнули через забор в глухом углу сада, где ветки старой яблони удачно перекрывали обзор камере. — Я взламываю заднюю дверь террасы. Там простой сувальдный замок. Ты стоишь вот под этой туей. Если увидишь фары на улице два раза свистишь, как чайка. Поняла?

Я посмотрела на него с немым восторгом.

— Как чайка? Ночью в предгорьях Кавказа? Костик, ты гений маскировки. Охрана сразу решит, что это заблудившийся буревестник прилетел проверить декларацию о доходах. Иди уже к двери, ради бога.

Мы прокрались к стеклянной террасе. Костик с пафосным видом фокусника извлек из кармана набор блестящих отмычек, опустился на одно колено и принялся сопеть над замком. Прошла минута. Две. Пять.

Парень начал покрываться испариной, шапка сползла ему на ухо, отмычка противно скрежетала по металлу, но дверь держалась намертво.

— Да что за хрень... — зашипел он, вытирая рукавом лоб. — Тут доводчик магнитный... Или ригель заклинило... Бракованный замок, сука!

— Отойди, позорище, — не выдержала я, отодвигая его плечом в кусты гортензии.

— Э, ты куда лезешь, там броненакладка!..

Я не стала слушать. Достала из кармана косухи свой копеечный розовый складной ножик со стразами, купленный на заправке, и тонкую стальную шпильку, которую стянула с туалетного столика Лейлы.

Математика — великая вещь. Любой замок — это не магия, это комбинаторика. Пять пинов, последовательность пружин, закон рычага. Сунула лезвие под уплотнитель, нащупала язычок защелки, подцепила шпилькой верхний штифт, мысленно просчитала сопротивление пружины на три миллиметра влево и резко надавила.

Щелк.

Дверь мягко, бесшумно подалась внутрь.

Костик остался сидеть в кустах на четвереньках с открытым ртом, в котором блестела забытая отмычка.

— Челюсть подбери, — шепнула я, переступая порог. — Время пошло. У нас три минуты до контрольного обхода поселкового ЧОПа.

Внутри дом пах дорогим ремонтом, полиролью для мебели и тяжелой, сытой безопасностью. Мы быстро поднялись на второй этаж в кабинет хозяина — массивная дубовая мебель, персидский ковер, на стене портрет хозяина в обнимку с кабаньей головой.

Компьютер стоял на столе. Я вытащила из кармана флешку, воткнула в системный блок, пальцы привычно застучали по клавиатуре. Логины, пароли чинуш такого уровня обычно предсказуемы до тошноты: даты рождения дочерей, клички охотничьих собак или банальное «Пятигорск2024». На третьей комбинации защита слетела, экран мигнул, и полоса загрузки компромата бодро поползла вперед.

А вот в углу кабинета, за фальшивой панелью книжного шкафа, обнаружилась проблема.

Огромный, вмонтированный в несущую стену темно-серый сейф марки «Kaba Mauer». Электронно-механический монстр со светящейся сенсорной панелью и восьмизначным цифровым блоком.

Костик, который всю дорогу по коридору шел за мной на цыпочках, глядя на меня как на ведьму, подскочил к сейфу и тут же сполз по стене.

— Всё... Приплыли... — в панике зашептал он, хватаясь за голову. — Это «немец». Новейшая прошивка с блокировкой клавиатуры при трех неверных вводах. Если ошибиться — врубится сирена на пульт вневедомственной охраны! Валить надо! Забирай флешку и валим, нахрен эти бабки!

— Заткнись, — бросила я, подходя к сейфу вплотную. Полоса загрузки на мониторе застыла на 68%. Мне нужно было еще две минуты. А уходить без денег после того, как я разбила голову Арсену и осталась без копейки в чужом городе, не входило в мои математические расчеты.

Я внимательно посмотрела на панель.

— Костик, посвети фонариком под углом тридцать градусов. Живо.

Дрожащими руками он направил узкий луч на клавиатуру.

На матовых кнопках остался тончайший слой кожного жира. Типичная ошибка людей, которые считают, что сложный пароль спасет их от всего на свете, но ленятся протирать сенсор салфеткой. Кнопки 2, 4, 7, 9 были затерты сильнее остальных. Четыре цифры. Восьмизначный код.

— Значит, цифры повторяются, — пробормотала я, прикладывая ладонь к холодному металлу. — Хозяин кавказец старой закалки, пятьдесят седьмого года рождения. Он не будет запоминать сложные анаграммы. Здесь симметрия. Палиндром.

— Чего?! — пискнул Костик. — Какой, в задницу, палиндром?! Тут сирена через минуту заорет!

— Палиндром это число, которое читается одинаково с обоих концов, тупица ты с авторынка, — процедила я сквозь зубы. Мой мозг работал как разогнанный процессор, отсекая лишние ветки вероятностей. — Семьдесят девять — сорок два... Нет, наоборот.

Мой палец уверенно лег на сенсор.

Два. Четыре. Семь. Девять. Девять. Семь. Четыре. Два.

— Не нажимай, дура! — взмолился Костик, зажмуриваясь и втягивая голову в плечи, словно ожидая ядерного взрыва.

Я нажала последнюю двойку и приложила палец к решетке ввода.

Раздался тяжелый, утробный писк. Внутри сейфа щелкнули мощные электромагниты, ригели с сухим лязгом ушли в пазы, и толстенная стальная дверь весом в сотню килограммов плавно, без единого скрипа, отошла в сторону.

Костик со страхом открыл один глаз. Потом второй.

Внутри сейфа ровными пачками лежали пятитысячные купюры, перетянутые банковскими резинками, пара бархатных коробок с часами и увесистый мешочек с золотыми монетами.

— Мать честная... — благоговейно выдохнул горе-грабитель, и его ручонки сами собой потянулись к пачкам. — Да ты... ты шаманка, что ли?!

— Руки, — я перехватила его запястье и с силой выкрутила его вниз, заставив парня скривиться и зашипеть от боли. — Пятьдесят на пятьдесят, как договаривались. Ты берешь часы и монеты. Я забираю наличку. И если хоть одна купюра пропадет из моей доли, я найду тебя и скормлю твой «Ролекс» тебе же через задний проход. Понял?

— Понял, понял, отпусти, бешеная! — заскулил он, тряся кистью.

Флешка пискнула, возвещая об окончании загрузки. Я сдернула накопитель, запихала пачки денег во внутренние карманы косухи — куртка опасно натянулась, придавая мне вид тяжелоатлетки на массе — и повернулась к выходу:

— Уходим. Через минуту здесь будет патруль.

Обратно мы ехали молча. Костик сидел за рулем своей «девятки», вцепившись в баранку побелевшими пальцами, и каждые тридцать секунд испуганно косился на меня в зеркало заднего вида, словно ожидал, что у меня прямо сейчас вырастут рога и я потребую его душу в качестве комиссии.

Он высадил меня возле той же автомойки, где уже стояла неприметная серая «Лада Веста» с наглухо тонированными стеклами.

Задняя дверь «Весты» приоткрылась. Из темного салона пахнуло дорогим табаком и тяжелым мужским одеколоном — не привокзальным, как у Костика, а строгим, государственным.

Я подошла ближе, чувствуя, как холодный ночной ветер шевелит волосы на затылке. Достала из кармана флешку.

— Заказ выполнен. Бухгалтерия по виноградникам здесь. Чистая копия, без хвостов, — я протянула накопитель в полумрак салона.

Из темноты показалась крупная мужская рука с гладкой кожей и аккуратно подстриженными ногтями. Забрала флешку. Следом на сиденье лег толстый коричневый конверт.

— Вы меня впечатлили, Дания Тимуровна, — раздался низкий, хрипловатый голос с легким московским акцентом. Голос человека, привыкшего отдавать приказы в кабинетах с гербовыми флагами. — Открыть «Kaba Mauer» за две минуты без спецоборудования... Не зря о ваших математических способностях в колонии ходили легенды. Из вас вышла великолепная отмычка.

Меня передернуло от этого слова. Опять. Все они смотрят на меня и видят инструмент. Удобный, бесправный, расходный материал.

— А вы меня нет, — я даже не прикоснулась к конверту. Скрестила руки на груди, глядя в темноту машины с самым ядовитым выражением лица, на которое была способна. — Вы пустили меня на объект втемную. Тот сейф был с секретом, и вы об этом прекрасно знали. Ваш Костик клинический кретин, который чуть не спалил всю операцию. Если бы не мой расчет, мы бы уже сидели в подвале пятигорского РОВД и пели хором под протокол. Так что засуньте свои комплименты себе в отчет, товарищ полковник. Или как вас там в вашем ведомстве называют.

В салоне повисла густая тишина. Мужчина в темноте медленно усмехнулся:

— Дерзкая. Вся в покойного отца. Тимур тоже любил хлопать дверьми перед носом у системы, пока не разбился на серпантине.

Внутри у меня все заледенело.

— Не смей полоскать имя моего отца, — выдохнула я, сжимая в кармане рукоять ножа так, что пластик впился в ладонь. — Что тебе нужно?

— Мне нужно уничтожить Мурада Баратова, — спокойно ответил голос из машины. — И тебе нужно то же самое. В одиночку ты к нему не подберешься. Он сожрет тебя и не подавится. А со мной... у тебя будут планы, координаты и прикрытие. Следующая цель, поезд «Минводы — Махачкала». Спецкупе. Личный курьер Баратова везет базу с электронными подписями его подставных фирм. Возьмешь купе, Баратов ослепнет на оба глаза. Доля пятьдесят на пятьдесят от всего, что найдешь. По рукам?

Я стояла на ветру, глядя на темные очертания салона. Логика кричала: «Беги! Это капкан, федералы используют тебя как мясо!». Но жажда расплаты, глухая, черная, копившаяся два года за тюремной решеткой, перевесила все законы сохранения энергии.

— Семьдесят на тридцать, — жестко отрезала я. — И пути отхода я планирую сама.

Мужчина хмыкнул.

— Договорились, математичка. Свободна.

Дверь захлопнулась, и серая «Веста» плавно сорвалась с места, растворяясь в предрассветном тумане.

Я осталась одна на пустой трассе. Деньги приятно грели ребра под косухой. Впереди был поезд на Махачкалу. И я была абсолютно уверена, что держу ситуацию под полным математическим контролем.

Господи, какая же я была дура.

Что идёт не так:

Количество дней без уголовщины и позора: официально минус 1. Я ограбила чиновника и чувствую себя подозрительно великолепно.

Напарник Костик теперь считает меня демоном высшего порядка и, скорее всего, пойдет ставить свечку за здравие воровского авторитета.

Мой новый гардероб пахнет французскими духами Лейлы и статьей 158 УК РФ часть 4 (в особо крупном размере).

Федеральный заказчик знает имя моего отца, а значит, я по самые уши влезла в государственную мясорубку.

Мой розовый нож за девяносто девять рублей официально признан лучшим криптографическим инструментом на Северном Кавказе.

РАПОРТ 2

Кому:Генеральному директору ЧОП «Волкодав» Караеву И. Р. **От:**Начальника группы наружного наблюдения Магомедова Т.

*Докладываю:*Объект «Студентка» сегодня в 02:15 в составе группы лиц по предварительному сговору (с ней был этот клоун Костик-Шпилька с авторынка) проникла в домовладение замглавы администрации г. Пятигорска. Шеф, вы не поверите. Костик десять минут ковырял замок террасы, пока Алиева не отодвинула его шпилькой для волос. Вскрыла дом за шесть секунд. Сейф «Kaba Mauer» взломала за полторы минуты голыми руками. Костик плакал. После отхода объект встретилась с серой «Вестой» (номера прикрытия ФСБ, наш старый знакомый Савельев). Передала флешку, забрала кэш. По нашим данным, Савельев наводит ее на завтрашний поезд «Минводы — Махачкала». Тот самый, который мы должны брать по нашему плану.

P.S. Шеф, если она полезет в тот вагон, вы с ней лоб в лоб столкнетесь. Нам группу захвата в масках инструктировать, чтобы ее не пристрелили ненароком, или вы сами ее в тамбуре придушите?

Глава 3 Тест на беременность в тамбуре

В купе скорого поезда «Минеральные Воды — Махачкала» пахло застарелой хлоркой, влажными матрасами, жареной курицей в фольге и чьими-то несвежими носками. Классический дорожный натюрморт, воспевающий величие РЖД.

Мой внутренний калькулятор вероятностей бился головой об стену и орал дурным голосом, что процент благополучного исхода этой авантюры колеблется в районе статистической погрешности. Но когда ты уже огрела трехлитровой банкой своего работодателя и взломала швейцарский сейф шпилькой для волос, тормозить поздно. Ты уже летишь по наклонной плоскости с ускорением свободного падения.

Курьер Мурада Баратова — лощеный хлыщ в костюме-тройке и с золотой печаткой на мизинце — спал на нижней полке в шестом купе.

Спал он сладко, пуская слюни на казенную подушку, потому что пятью минутами ранее выпил стакан привокзального чая, в который я со всем своим математическим педантизмом подмешала три капли лошадиного седатива из аптечки Лейлы. С дозировкой я не ошиблась: теперь этого джигита можно было выносить вперед ногами прямо в гробу — он бы даже не почесался.

Его кожаный «дипломат» стоял на столике рядом с надкусанным пирожком.

Замок дипломата уступил моему розовому ножику за четыре секунды. Внутри лежал тонкий металлический ноутбук и защищенный накопитель с электронными подписями подставных виноделен Баратова. Настоящий Грааль для ОБЭПа и личная смерть для бизнеса дяди Мурада.

Я быстро воткнула свою флешку в разъем. Зеленый огонек заморгал, строка копирования бодро побежала по экрану. Наученная горьким опытом общения с федералами, я достала из лифчика OTG-переходник, воткнула второй кабель и параллельно запустила дублирование на свой телефон.

Правило номер один в криптографии: никому не доверяй, делай резервные копии на защищенный сектор и держи их как можно ближе к телу. Лифчик третьего размера в этом плане — идеальное криптохранилище.

— Девяносто восемь процентов... девяносто девять... Готово, — прошептала я, выдергивая оба накопителя.

И ровно в эту секунду мир вокруг решил окончательно сойти с ума.

Поезд дернуло с такой неистовой силой, что колеса с истошным, режущим уши визгом вгрызлись в рельсы. С верхней полки на спящего курьера рухнул тяжелый чемодан, по коридору покатилась забытая кем-то стеклянная бутылка, а свет в вагоне мигнул и сменился тусклым аварийным красноватым полумраком.

Экстренное торможение. Посреди глухого перегона между станциями.

Через секунду тишину разорвал грохот выбитой входной двери вагона, тяжелый топот армейских берцев и режущий, поставленный крик, от которого кровь мгновенно превратилась в ледяную кашу:

— Всем оставаться на местах! Оружие на пол! Работает спецназ!

В щель приоткрытой двери купе я увидела их.

Четверо. Огромные, глухо упакованные в черный тактический камуфляж, бронежилеты с керамическими пластинами, шлемы с забралами и черные балаклавы, из-под которых виднелись только бешеные, хищные глаза. Автоматы на груди, на бедрах — кобуры и тяжелые подсумки. Это не были сонные транспортные менты. Это были штурмовики. Овчарки высшей пробы.

Бойцы Искандера Караева.

Мой мозг за долю секунды сопоставил факты: ФСБ слило эту же наводку ЧОПу Караева, чтобы забрать базу курьера своими руками! Меня использовали как отвлекающий маневр, или федералы просто не согласовали правый карман с левым?!

Времени на размышления не оставалось. Я сунула флешку в карман джинсов, телефон с копией — обратно в лифчик, надвинула капюшон косухи на глаза и выскользнула в коридор, пытаясь протиснуться к противоположному выходу.

Наивная идиотка.

Из тамбура, вышибая плечом металлическую перегородку, шагнул пятый.

Он был на полголовы выше остальных и шире в плечах раза в два. Настоящая гора из мышц, титана и кевлара. От него разило холодом, горьким табаком и тем самым тяжелым, въедливым запахом кожи и мускуса, который я не могла забыть последние семь лет, как ни старалась выжечь его из памяти.

Искандер.

Я затормозила, попыталась развернуться на пятках и метнуться обратно, но его реакция была нечеловеческой.

Тяжелая рука в черной кевларовой перчатке без пальцев метнулась вперед, сильные пальцы сгребли меня за воротник косухи, как паршивого котенка, и одним крутым, сокрушительным рывком швырнули в темное пространство тамбура.

Дверь за нами с грохотом захлопнулась.

Меня впечатало спиной в рифленое железо стены с такой силой, что из легких с хрипом вышибло весь воздух. Перед глазами на секунду вспыхнули желтые искры. Не успела я даже вскрикнуть, как меня намертво зафиксировали.

Его тяжелое, массивное бедро в камуфляже жестко вклинилось между моих ног, практически прижимая меня к переборке и напрочь лишая возможности брыкаться. Широкая ладонь в беспалой перчатке легла мне на горло — не перекрывая кислород полностью, но так плотно и властно, что я чувствовала подушечками пальцев буйный, рваный ритм собственного пульса.

— Стоять, сука, — пророкотал низкий, прокуренный бас из-под черной ткани маски. — Двинешься сломаю ключицу.

Он навалился на меня всем корпусом. Бронежилет вдавился в мою грудь, холодная пряжка разгрузки царапнула подбородок через воротник. Он был слишком близко. Неприлично, опасно близко. Между нами не осталось даже миллиметра воздуха, я ощущала каждую жесткую линию его тела, жар, исходивший от него сквозь слои ткани, и то, как тяжело и шумно вздымается его широкая грудная клетка.

Он наклонился, чтобы обыскать карманы, и его лицо оказалось в сантиметре от моего.

Сквозь прорези балаклавы на меня смотрели глаза цвета сырой махачкалинской стали. Тяжелые, не знающие пощады, от которых у меня всегда подгибались колени — и когда мне было восемнадцать, и сейчас, когда я превратилась в судимую шальную налетчицу.

Искандер замер.

Я видела, как расширились его зрачки. Он втянул носом воздух — уловил шлейф пудровых духов Лейлы, запах моих волос и чистый, неразбавленный адреналин. Взгляд его серых глаз медленно опустился на мои губы, накрашенные темной вишней, потом снова метнулся к глазам.

Хватка на моем горле дрогнула. Пальцы в перчатке обожгли кожу чуть выше ключицы.

— Дана?.. — глухо, ошарашенно выдохнул он, и в этом единственном слове было столько боли, ярости и дикого, животного неверия, что меня прошибло током до самых кончиков пальцев на ногах. — Ты... какого черта ты здесь делаешь?!

Мое тело предательски задрожало. От адреналина. От этой проклятой, невыносимой близости, от ощущения его огромного, горячего тела, прижатого ко мне в полумраке гремя-

щего железом тамбура. На секунду мне захотелось вцепиться ногтями в его широкие плечи и заорать: «Где ты был, когда меня судили, сволочь?!».

Но в коридоре за тонкой дверью послышались тяжелые шаги его бойцов.

— Командир! — донесся глухой голос сквозь металл. — Курьер в шестом в отключке! «Дипломат» пустой, базы нет! Кто-то сработал до нас! Вы там кого зажали?!

Искандер на секунду отвел взгляд в сторону двери, его челюсти под маской сжались так, что заходили желваки. Рука на моем горле напряглась, удерживая меня на месте, как на привязи:

— Сейчас выйду. Оцепить вагон.

Он снова повернулся ко мне, придвинулся еще плотнее, вдавливая меня бедром в стену, и прошипел прямо мне в губы, обжигая дыханием:

— Ты отдашь мне флешку. Прямо сейчас. По-хорошему. Иначе я лично свяжу тебя твоим же ремнем, закину в багажник и увезу в горы, пока Баратов не пустил тебя на корм рыбам в Каспии. Поняла меня?!

Его рука скользнула ниже, грубо и собственнически мазнув по моей талии, намереваясь залезть в карман куртки.

И тут мой мозг, доведенный до точки кипения, выдал единственно верное, гениальное и абсолютно самоубийственное решение. Драться с Караевым бесполезно — он весит центнер чистых мышц. Логика против него бессильна. Значит, надо бить по самому святому, что есть у кавказского мужчины: по его репутации и публичному стыду.

Я набрала в грудь побольше воздуха, закатила глаза и с диким, душераздирающим визгом во всю мощь легких заколотила кулаками по его титановому бронежилету:

— Ты-ы-ы?! Ах ты скотина неблагодарная! Ах ты кобель проклятый!

Дверь тамбура с грохотом распахнулась.

На пороге застыли трое вооруженных до зубов амбалов с автоматами наперевес. От увиденной картины у суровых горцев синхронно отвисли челюсти под балаклавами: их грозный командир, авторитетнейший человек республики, намертво прижимал к стенке хрупкую девчонку с растрепанными волосами, а девчонка лупила его сумочкой по шлему и заливалась горючими слезами.

— Командир... — растерянно протянул старший группы, неловко опуская ствол «Кедра». — Это... это что, твоя, что ли?

— Стоять на месте, дебилы! — рявкнул Искандер, пытаясь перехватить мои руки, но я уже вошла в раж. Меня несло, как товарный состав под откос.

— Твоя?! — взвизгнула я, размазывая тушь по щекам и всхлипывая так правдоподобно, что мне впору было вручать «Оскар». — Теперь я, значит, «твоя»?! А когда ты меня в Махачкале бросил, трубку заблокировал и на два года в тюрьму загнал — чья я была?! Я тебя по всему Кавказу ищу, а ты тут в маске с пацанами по поездам шмонаешь?!

— Алиева, заткнись, — прорычал Искандер, белея глазами и сжимая мои запястья в одну железную клешню. — Прекрати цирк!

— Не заткнусь! — я дернулась всем телом, прижимаясь к нему еще теснее, заставив его сбиться с дыхания, и повернулась к ошарашенным бойцам: — Мальчики, вы посмотрите на него! Он же меня брюхатой оставил! Я на четвертом месяце, у меня токсикоз, а он меня об стену прикладывает! У меня тест с двумя полосками в кармане лежит, показать?!

Бойцы ЧОПа переглянулись. В их глазах сквозь прорези масок читался неподдельный, священный ужас. На Кавказе можно ограбить банк, можно пустить под откос поезд, но поднять руку на беременную женщину от своего командира — это харам и позор до седьмого колена.

— Командир... ты это... полегче с ней, — пробормотал старший, пятясь назад в коридор. — Не по понятиям как-то... Ребенок же...

— Вон отсюда, оба! — взревел Искандер с такой яростью, что зазвенели стекла в дверях.

Бойцы с редким единодушием испарились, захлопнув дверь.

И ровно в ту секунду, когда Искандер на миг повернул голову на звук закрывающейся двери, сходя с ума от бешенства, моя свободная левая рука скользнула в карман джинсов. Я выудила флешку с базой Баратова и быстрым, виртуозным движением фокусника протолкнула маленький пластиковый корпус прямо в узкую прорезь подсумка на его собственном разгрузочном жилете.

Щелк. Накопитель утонул среди его боеприпасов.

Оригинал теперь у него. Копия — у меня в лифчике. Если Баратов начнет копать, след приведет прямо в ЧОП «Волкодав». Чистая математическая переадресация удара.

— Ты закончила свое шапито? — прошипел Искандер, снова прижимая меня к себе так, что я почувствовала каждую мышцу его каменного пресса. В его глазах полыхал пожар. Он дышал мне в шею, обжигая кожу, и я видела, чего ему стоит не сорвать к чертовой матери эту маску и не впиться в мои губы прямо здесь, на глазах у всего вагона. — Ты хоть понимаешь, во что ты влезла, дура? Баратов тебя живьем закопает.

— Не закопает, — выдохнула я ему в самое ухо, дерзко приподнимаясь на цыпочки. — Потому что меня здесь уже нет. А вот тебе теперь придется объяснять своим волкам, почему ты бросил мать своего будущего наследника на путях.

Поезд дернулся, сбавляя ход у полустанка «Шпаковка».

Искандер на секунду ослабил хватку, пытаясь осознать масштаб катастрофы, нависшей над его авторитетом. Этой секунды мне хватило. Я с силой наступила своим тяжелым ботинком ему на носок берца, вывернулась из-под его руки, ударила по аварийному рычагу тамбурной двери и выскочила в сырую, холодную темноту ночи прямо на ходу поезда, кубарем скатившись по насыпи в густые кусты терновника.

Поезд прогудел и, набирая ход, потащил свои огни дальше в сторону Дагестана.

Я лежала в колючих кустах, мокрая, перепачканная грязью, с ободранными ладонями и колотящимся в горле сердцем. В ушах до сих пор звенел его хриплый голос, а на шее горел след от его пальцев.

Я запустила руку под косуху, нащупала под кружевом лифчика холодный корпус телефона с сохраненной базой данных и хрипло, победно рассмеялась в ночное небо:

— Один — ноль в пользу высшей математики, Караев. Посмотрим, как ты запоешь, когда проверишь свои карманы.

Что идёт не так:

Количество дней без уголовщины и позора: минус 2. Я официально ограбила поезд и публично объявила себя беременной от главного силовика республики.

Мой лифчик официально выполняет функции сервера Пентагона. Он давит на ребра, но греет душу.

Тридцать вооруженных бойцов ЧОП «Волкодав» теперь уверены, что их суровый шеф — безответственный абьюзер, бросивший женщину на сносях.

Мои джинсы порваны на коленке об шпалы, а во рту отчетливый привкус тернового куста.

Искандер Караев пахнет слишком хорошо для человека, которого я поклялась ненавидеть до гробовой доски.

РАПОРТ 3

Кому:Генеральному директору ЧОП «Волкодав» Караеву И. Р. **От:**Начальника группы захвата капитана Ахмедова Б.

*Докладываю:*Операция в поезде «Минводы — Махачкала» прошла в нештатном режиме. Курьер Баратова нейтрализован, дипломат пуст. Однако в тамбуре вагона 7 вами была задержана неизвестная гражданка (предположительно Алиева Д. Т.). В ходе задержания гражданка

вела себя крайне агрессивно, обвиняла командование ЧОПа в аморальном поведении, уклонении от алиментов и нанесении побоев лицу, находящемуся в состоянии беременности. После чего совершила побег через технологический люк тамбура на перегоне.

Шеф, личный состав взвода в легком недоумении. Пацаны скинулись на памперсы и детское питание, лежат у вас в кабинете на столе. Если надо сыграть свадьбу по адату и привезти невесту силой — группа готова к выезду, только дайте маяк.

P.S. Шеф, в вашем разгрузочном жилете в подсумке для гранаты обнаружен носитель информации с логотипом винзавода «Линия». Кажется, она вас не только опозорила на весь вагон, но и обчистила в процессе поцелуя. Красиво сработала, чисто по-дагестански.

Глава 4 Стратегический запас «Докторской» и собака Баскервилей

Если вы никогда не прыгали из тамбура скорого поезда на скорости сорок километров в час в терновый кустарник предгорий Ставрополья, то вы абсолютно ничего не знаете о романтике отечественных железных дорог.

Во-первых, терновник — это не поэтический кустик из сказок братьев Гримм. Это фортификационное сооружение естественного происхождения, оснащенное колючками размером с швейную иглу, которые с одинаковым энтузиазмом дырявят как китайскую косуху, так и человеческое самолюбие. Во-вторых, гравий насыпи имеет мерзкое свойство забиваться во все анатомические отверстия, включая карманы джинсов, капюшон и правый ботинок.

До Махачкалы я добиралась на попутном молоковозе, сидя в кабине между водителем по имени Зураб и трехлитровой банкой квашеной капусты, которая на каждом повороте норовила протечь мне на колени. Зураб всю дорогу читал мне проповеди о скромности кавказской женщины, пока я с каменным лицом выковыривала репейник из волос и мысленно посылала проклятия на голову Искандера Рустамовича Караева.

«Я свяжу тебя твоим же ремнем...» — эхом звенел в ушах его прокуренный, низкий рык.

Сволочь двухметровая. Шкаф бронированный.

Горло под воротником косухи до сих пор саднило в том месте, где лежали его тяжелые пальцы в кевларовой перчатке. И самое отвратительное заключалось в том, что стоило мне закрыть глаза, как я снова ощущала это невыносимое, удушающее давление его бедра между моих ног и тяжесть титановой пластины бронежилета, впечатанной в мою грудь. Мое предательское, не знающее стыда тело упорно помнило не ужас смертельной опасности, а бешеный жар, исходивший от Караева сквозь слои камуфляжа.

— Дура, — сказала я своему отражению в заляпанном зеркале придорожного туалета. — Тебе двадцать пять лет. У тебя диплом математика и судимость. А ты течешь от мужика, который пять лет назад позволил сгноить тебя в СИЗО.

Отражение в зеркале ответило мне помятым лицом, размазанной вишневой помадой и глубоким фиолетовым синяком на ключице. Очень вдохновляюще.

***

Конспиративная квартира в Редукторном поселке пахла сыростью, старыми бабушкиными коврами и жареным луком от соседей снизу. Двушка на третьем этаже облезлой панельной хрущевки, с балконом, затянутым пыльной сеткой от комаров, и диваном, который при попытке на него сесть издавал стон раненого бегемота. Идеальное логово для преступного синдиката.

В одиннадцать утра в дверь условно постучали: три коротких, два длинных, один контрольный ногой в косяк.

Я распахнула замок, держа наготове свой розовый складной ножик со стразами, но за дверью обнаружились не киллеры Баратова, а мои персональные ангелы-хранители на анаболиках.

Близнецы. Рустам и Шамиль.

Оба ростом под метр девяносто, с плечами, не помещавшимися в стандартный лестничный пролет, в одинаковых черных спортивных костюмах и с огромными спортивными сумками через плечо, из которых подозрительно торчали провода и коробки с кулерами. В руках Шамиля дымился и источал божественный чесночный дух полуметровый пакет с шаурмой.

— Дана-апа! — радостно гаркнули они дуэтом, вваливаясь в узкий коридор и моментально заполнив собой всё свободное пространство квартиры.

— Тихо вы, мамонты, — шикнула я, захлопывая дверь на все три оборота. — Соседей перебудите. Вас не вели?

— Кто нас поведет, Дана-апа, мы же через дворы огородами шли! — обиделся Рустам, с грохотом сгружая сумку на шаткий кухонный табурет. — Батя в колонии думает, что мы на парах в политехе сидим, лабораторную по базам данных пишем. Мы сервак притащили, два ноутбука игровых, четыре внешних винта и переходники военные. А Шама шаурму взял. Побратски, чисто двойное мясо, без лука, как ты любила, когда мы производные зубрили!

Я посмотрела на это монументальное проявление сыновней любви, и внутри у меня потеплело. Когда эти два оболтуса три года назад пришли ко мне в тюремный класс со словами: «Слышь, математичка, батя сказал, если мы ЕГЭ завалим, он нас в дисбат определит», они не умели складывать дроби с разными знаменателями. Я гоняла их по синусам и косинусам так, что они плакали в раздевалке спортзала, а взамен они ставили мне блок на челюсть и учили бить локтем в солнечное сплетение. В итоге пацаны поступили на бюджет в технический, а я получила двух преданных тяжеловозов с мозгами начинающих хакеров.

— Жрите свою шаурму и ставьте машины, — скомандовала я, стягивая косуху. — У нас мало времени. Баратов скоро поймет, что курьера выпотрошили.

Через сорок минут крошечная кухня хрущевки превратилась в филиал центрального командного пункта Пентагона. На вытертой клеенке с ромашками мерцали три монитора, по полу змеились черные кабели, воздух быстро прогревался от гудения мощных кулеров, а пацаны с урчанием доедали лаваш, запивая его банановым гейнером прямо из полуторалитровой банки.

Я достала из лифчика телефон, вытащила карту памяти и воткнула в ридер.

— Запускай алгоритм дешифровки, Шамиль. Матрица три на восемь, ключ подстановки — дата основания дербентской крепости, этот баран Баратов фанатеет по местной истории.

Экран побелел, строчки машинного кода замелькали с бешеной скоростью, и наконец система с тихим звуковым сигналом распахнула передо мной нутро финансовой империи дяди Мурада.

Мы втроем уставились в монитор.

— Святые угодники... — присвистнул Рустам, забыв про свой протеин. — Да он же через завод «Линия» гонит вообще всё. Спирт левый, контрабанда табака из Эмиратов... Дана-апа, глянь на седьмую вкладку!

Я придвинулась ближе, чувствуя, как по спине пробегает морозный озноб азарта.

На седьмой вкладке висела логистическая ведомость особых партий вина урожая 2018 года. Лимитированная серия «Каспийский рубин». Бутылки из толстого черного стекла с двойным дном. В графе «груз» стояли странные шифры: каратность, чистота огранки, иранские портовые коды Бендер-Аббаса.

— Рубины, — выдохнула я, и пазл в моей голове с сухим математическим щелчком встал на место. — Он не просто отмывает деньги. Он перевалочная база для персидских синдикатов. Возит драгоценные камни на дне винных бутылок прямо под носом у погранслужбы.

— Тут только проводки, — нахмурился Шамиль, клацая по клавишам. — Главных ключей к зарубежным счетам нет. Они на физическом носителе. Смотри примечание: «Учетная книга и криптографический блок — у Главного».

— Главный у него Гиреев, — хищно прищурилась я. — Начальник бухгалтерии Баратова. Старый хитрый лис. Живет в закрытом поселке в Тарках. Не дом, а крепость, охрана круглосуточная.

— И как мы туда полезем? — Рустам почесал бритый затылок. — Там же ЧОП дежурит. Если поймают, нас батя лично на плацу расстреляет.

— Не полезем, а войдем, — отрезала я. — Ночью. С черного хода. Вы снимете камеры по периметру, я взломаю домашний сейф Гиреева, заберу книгу и диски. Без этой книги Баратов — просто старый вор в долгах перед Ираном. Если синдикат узнает, что камни пропали, а бухгалтерия ушла... они снимут с него шкуру живьем.

— Адат, — уважительно выдохнул Шамиль. — По-взрослому. Чисто по-нашему.

Я удовлетворительно кивнула и потянулась за курткой:

— Сидите здесь, грейте каналы связи. Я спущусь в круглосуточный внизу, куплю кофе. Мозги кипят.

Подъезд встретил меня запахом кошачьей мочи и тусклой лампочкой, мигавшей над почтовыми ящиками, как в нестрашном фильме ужасов.

Я толкнула тяжелую железную дверь с кодовым замком, шагнула на бетонное крыльцо, вдохнула прохладный вечерний воздух Каспия... и замерла на месте, превратившись в соляной столб.

В пяти метрах от меня, прямо посреди заплеванного асфальта хрущевского двора, стоял черный матовый «Ленд Крузер» с правительственными номерами серии ААА. Мотор внедорожника заглушен, фары погашены, но из приоткрытого тонированного окна лениво тянулась тонкая струйка дорогого сигарного дыма.

А прямо у подножия ступенек, перекрывая единственный выход из подъезда, лежало ОНО.

Оно было размером с неплохо откормленного кавказского теленка.

Чистокровный среднеазиатский волкодав — алабай песочно-белого окраса, с купированными под корень ушами, головой шириной с пивную бочку и лапами толщиной с мои бедра. Пес лежал на животе, положив массивную морду на передние лапы, и не мигая смотрел на меня маленькими, глубоко посаженными янтарными глазами профессионального убийцы. На мощной шее зверя тускло поблескивал строгий ошейник с шипами, сделанный из тяжелой армейской кожи.

Хан.

Личный пес Искандера Караева. Легенда махачкалинских собачьих боев и ночной кошмар любого правонарушителя в радиусе трех республик. Пес, про которого в городе ходили слухи, что он завтракает берцовыми костями конкурентов ЧОПа и запивает их машинным маслом.

Искандер нашел меня. Меньше чем за сутки. Быстро…

И он не стал выбивать дверь СОБРом, не стал поднимать шум. Он просто припарковал машину у подъезда и выставил на крыльцо биологическое оружие с силой сжатия челюстей в четыреста атмосфер, чтобы взбалмошная математичка не вздумала даже дернуться.

Стекло «Крузера» опустилось чуть ниже. В полумраке салона блеснули тяжелые стальные глаза Караева. Он не выходил. Просто сидел там, курил и наблюдал за мной, как сытый хищник за мышью, загнанной в угол. На его широких губах играла едва заметная, издевательская усмешка, четко говорившая: «Ну давай, девочка. Покажи мне еще один тест на беременность».

Мой пульс подскочил до ста сорока ударов в минуту. Колени мелко задрожали.

Назад пути не было. Показать Караеву, что я испугалась его блохастого монстра? Сдаться? Поднять лапки кверху и пойти к нему в машину на заклание?

Черта с два.

Я глубоко вздохнула, расправила плечи и медленно, не сводя глаз с янтарных зрачков пса, шагнула вниз по ступенькам.

Алабай не зарычал. Настоящие волкодавы не лают попусту, как дворовые шавки. Он просто очень плавно, без единого лишнего звука поднялся на лапы. Мышцы под густой шерстью перекатились, спина напружинилась, пасть приоткрылась, обнажая белые, как бритва, клыки длиной с мой палец. Зверь встал в боевую стойку, перекрывая мне дорогу к тротуару.

— Спокойно, песик, — пробормотала я севшим голосом. — Чисто по теории вероятностей, если ты откусишь мне ногу, твой хозяин лишится единственного нормального оппонента в этом городе.

Пес глухо, утробно выдохнул через нос.

И тут мой взгляд упал на прозрачный пакет, который я держала в руке, собираясь выбросить в урну возле скамейки.

В пакете лежал нераспечатанный батон «Докторской» колбасы высшего сорта совхоза «Кизлярский», купленный вчера Шамилем и благополучно отвергнутый во имя бананового протеина. Четыреста граммов сочного, пахнущего мускатным орехом и натуральным шпиком мясного совершенства в плотной синюге.

Я замерла. Пес тоже замер.

Его огромный черный нос дрогнул. Ноздри расширились, втягивая воздух. Янтарные глаза монстра спешно, с легким недоумением скосились вниз — на полиэтилен в моих пальцах.

— Что, мальчик? — вкрадчиво прошептала я, чувствуя, как внутри просыпается наглая, базарная уверенность. — Караев кормит тебя сухим немецким кормом премиум-класса без соли и глютена? На диете держит, да? Шерсть бережет?

Я достала свой розовый складной ножик. С громким щелчком откинула лезвие.

В салоне «Крузера» сигарета Искандера замерла в воздухе. Я спиной чувствовала, как Караев напрягся, готовый в любую секунду выскочить из машины, решив, что я сейчас нападу на его пса с зубочисткой.

Но я просто подцепила лезвием край колбасного батона, срезала толстый, неприлично жирный кругляш толщиной в два пальца и протянула его на раскрытой ладони:

— На, предатель родины. Попробуй, чем питается рабочий класс.

Хан сделал один заинтересованный, осторожный шаг вперед. Его гигантская морда оказалась в сантиметре от моей руки. Горячее, влажное дыхание обдало пальцы. Я не дышала. Если эта тварь решит сомкнуть челюсти, от моей кисти останутся одни воспоминания.

Пес аккуратно, кончиком шершавого розового языка слизнул колбасу с моей ладони.

Глаза волкодава на секунду остекленели от гастрономического экстаза. Раздался громкий, сочный «хлюп» — и кусок исчез в недрах глотки без единого жевательного движения.

Хан посмотрел на меня, потом на оставшийся батон в моей руке.

И грозный, непобедимый, свирепый алабай, державший в страхе половину криминального Дагестана, издал тоненький, жалобный, абсолютно щенячий звук: «Уф-ф-ф».

А затем его тяжелый, обрубленный хвост вильнул. Один раз. Второй. И вся эта девяностокилограммовая туша чистой агрессии тяжело плюхнулась задницей прямо в осеннюю пыль, а огромная голова с бархатным лбом требовательно ткнулась мне в живот, едва не сбив с ног.

— Хороший мальчик, — я злорадно усмехнулась, опустила руку и запустила пальцы в густую шерсть на загривке пса, чеша его за купированным ухом. — Продажная ты кавказская морда.

Пес блаженно зажмурился, шумно пустил слюну мне на кроссовок и завалился на бок, вывалив пузо и требуя продолжения ласки.

Я подняла голову и посмотрела прямо в лобовое стекло «Крузера».

Искандер сидел неподвижно. Сигарета в его руке истлела до самого фильтра, роняя пепел на его дорогую кожаную куртку. На его темном, хищном лице застыло такое выражение, будто он только что своими глазами увидел, как шайтан принимает ислам и поет детские песенки. Челюсти Караева были стиснуты до белизны в костяшках.

Я демонстративно отрезала еще один толстый кусок колбасы, скормила его блаженно хрюкающему Хану, вытерла пальцы влажной салфеткой и, не торопясь, подошла к водительской двери внедорожника.

Стекло плавно поползло вниз с тихим гулом сервопривода.

Из салона пахнуло кожей, мятой и тем самым неописуемым, яростным мужским бешенством, от которого в комнате обычно вышибает пробки. Искандер сидел, вцепившись пальцами в руль так, что кожа на оплетке трещала. Его глаза цвета сырой стали прожигали во мне дыру.

— Ты совсем страх потеряла, Дания? — глухо, с опасной хрипотой в голосе выдавил он, глядя на меня снизу вверх. — Ты хоть понимаешь, что он мог перекусить тебе сонную артерию одним движением?

— Чисто теоретически мог, — я мило, почти не ядовито улыбнулась, наклоняясь к открытому окну так близко, что кончики моих волос коснулись его плеча. — Но чисто практически, Караев, твоя служба безопасности слишком дешево продается за сою и глутамат натрия. Передай своим финансистам, что у них дыра в бюджете.

Искандер зло повернул голову. Посмотрел на своего грозного пса, который в этот момент лежал кверху лапами посреди двора и с восторгом догрызал шкурку от кизлярской колбасы. Затем снова перевел неподъёмный, потемневший взгляд на мои губы.

Его рука метнулась молниеносно.

Широкая, горячая ладонь высунулась из окна, железными пальцами обхватила меня за затылок, путаясь в волосах, и с силой притянула мое лицо вплотную к проему окна. Я охнула, упершись ладонями в холодный металл двери, прямо напротив его бешеного, темного взгляда.

— Играешь со мной, девочка? — прошипел он мне в самые губы, обжигая дыханием, от которого внутри все мгновенно скрутило тугим, сладким узлом. — Думаешь, обхитрила меня? Засунула мне в разгрузку пустую болванку, а сама копию сняла?

— Не пустую, а с трояном, — выдохнула я, гордо вскидывая подбородок и глядя ему прямо в зрачки, хотя сердце в груди колотилось так, что ребра трещали. — Наслаждайся просмотром, Караев.

— Ты никуда отсюда не выйдешь, — его пальцы в моих волосах сжались чуть крепче, заставляя меня еще сильнее запрокинуть голову. В голосе зазвучали низкие, собственнические нотки, от которых по позвоночнику побежали предательские, обжигающие мурашки. — Я приставлю к этому подъезду двух автоматчиков с приказом стрелять под ноги при любой попытке побега. Будешь сидеть в четырех стенах на макаронах, пока я лично не зачищу Баратова и не закрою этот чертов вопрос. Ты меня поняла, Алиева?

Я чувствовала, как его взгляд буквально раздевает меня сквозь темноту салона. Он смотрел не как друг покойного отца. Он смотрел как голодный, злой, опасный хищник, у которого слишком долго отбирали законную добычу. Большой палец его руки, все еще сжимавшей мой затылок, с тяжелым нажимом скользнул по скуле и властно опустился на мою нижнюю губу, слегка оттягивая ее вниз.

Прикосновение было настолько собственническим и интимным, что у меня перехватило дыхание. Воздух между нашими лицами буквально сгустился до состояния напалма.

— Двух автоматчиков? — выдохнула я ему в самые губы, не отводя взгляда, хотя пульс уже колотил в висках набатом. — Караев, ты забыл заглянуть в мой ежедневник. У меня на этой неделе слишком плотный график: месть, взлом серверов и покупка кружевного белья на твои деньги. Автоматчики твои не заскучают.

— Ты сдохнешь на этой мести, дура, — прорычал он, и в его глазах цвета штормового Каспия на долю секунды промелькнула настоящая, глухая, нечеловеческая боль. Рука его дрогнула, пальцы чуть разжались, но тут же снова напряглись, словно он боролся с непреодолимым желанием просто перевалить меня через порог машины и затащить внутрь. — Ты думаешь, Баратов играет по правилам? Думаешь, он забудет ту пулю в плече? Если он выйдет на тебя раньше меня, он не станет вызывать полицию. Он отдаст тебя своим боевикам на винодельне. Всем взводом. Ты хоть на секунду своим математическим мозгом это просчитать способна?!

— Способна, — очень отчетливо прорычала я, ощущая, как его пальцы жгут кожу сквозь волосы. — Я всё просчитала еще два года назад, когда ты не пришел на мой суд. Когда ты сидел

в своем офисе и считал прибыль ЧОПа, пока меня этапировали в вагонзаке. Так что не строй из себя святого защитника, Искандер. Тебе эта роль жмет в плечах.

Его лицо окаменело. Желваки на квадратных скулах заходили с такой силой, что, казалось, сейчас лопнет кожа. Он открыл рот, чтобы что-то сказать — жесткое, сокрушительное, способное вбить меня в асфальт, но воздух взорвался непредвиденным звуковым фактором.

— Ур-р-р-ф! — раздалось прямо у нас под боком.

Огромная, слюнявая, довольная морда Хана бесцеремонно вклинилась в проем окна прямо между нами, полностью разрушая трагизм и эротическое напряжение момента.

Волкодав, решив, что хозяин слишком долго держит за шею поставщика элитных мясопродуктов, положил свою пудовую башку на открытое стекло, шумно лизнул Искандера прямо в небритую щеку и требовательно засопел мне в ладонь: мол, где добавка, женщина?

Искандер дернулся, рефлекторно разжимая пальцы.

Я не стала ждать второго приглашения. Резко отшатнулась назад, с наслаждением вдыхая прохладный ночной воздух, поправила растрепанные волосы и натянула на лицо самую торжествующую улыбку, на которую была способна.

— До свидания, Искандер Рустамович. И покормите собаку, а то она у вас явно страдает от дефицита углеводов.

— Алиева, стой, мать твою!.. — рявкнул он, дергая ручку двери изнутри.

Но я уже взлетела по бетонным ступенькам крыльца, влетела в подъезд и с грохотом захлопнула за собой тяжелую дверь с кодовым замком.

Прислонилась спиной к холодному металлу. Сердце колотилось где-то в горле, руки мелко дрожали, а губы до сих пор горели от следа его пальца. Я прижала пальцы ко рту, пытаясь выровнять дыхание.

Этот мужчина был токсичнее цианистого калия и опаснее шаровой молнии. Но в одном он был прав: времени у меня почти не оставалось. Если Караев взял след, значит, Баратов тоже где-то рядом.

Я побежала вверх по лестнице через две ступеньки. Пора было навестить главного бухгалтера.

Что идёт не так:

Количество дней без уголовщины и позора: минус 3. Я прилюдно совратила элитного сторожевого пса с помощью полукилограмма колбасы.

Искандер Караев трогает мои губы так, будто имеет на них пожизненную генеральную доверенность. Это нарушает все известные мне законы суверенитета.

Мой пульс при виде двухметрового силовика ведет себя как график биткоина во время обвала рынка. С этим надо срочно что-то делать.

Хан официально признан худшим телохранителем десятилетия, но лучшим союзником движения сопротивления.

На моем пальто осталась собачья слюна вперемешку с оружейной смазкой. Мой стилист Лейла упадет в обморок прямо в своем кашемире.

РАПОРТ 4

Кому:Генеральному директору ЧОП «Волкодав» Караеву И. Р. **От:**Начальника группы наружного наблюдения Магомедова Т.

*Докладываю:*В 22:40 зафиксирован визуальный контакт шефа с объектом «Студентка» у подъезда дома 14 по у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.